

УДК 831.17.2

ТЕРМИНЫ ПАРОНИМИИ И ПАРОНОМАЗИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНКЛЮЗИВНОГО СЛУЧАЯ

Джелилова С.Р., Шихалиева С.Х.

*Махачкалинский финансово-экономический колледж, филиал
ФГОБУ «Финансовый университет при Правительстве РФ», Махачкала,
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru*

В концепции Федерального государственного образовательного стандарта отмечено, что проектная деятельность обеспечивается становлением универсальных учебных действий: ставятся учебные задачи, используются необходимые средства и способы для их достижения, контролируется и оценивается процесс и результаты деятельности использования их в дальнейшей жизни. Следовательно, поиск и внедрение эффективных методов обучения русскому языку должны обеспечиваться содержанием проекционно-ориентированной деятельности преподавателя-словесника. Методическая система обучения русской паронимии опирается на технологию преодоления интерферентных явлений в проекционно-ориентированной деятельности учителя-словесника, в процессе которого наблюдается усиление познавательного интереса учащихся-билингвов. Анализ типов паронимии и паронимазии дает возможность использовать специфику паронимов, выявить сходства и различия, устранить межъязыковую интерференцию русского и родного (нерусского) языков. Эффективность системы обучения, составленных с учетом межъязыковой вариативности, будет высокой, если обеспечить повторяемость наиболее употребительных типов паронимазии в проекционной деятельности «Паронимия в таблицах».

Ключевые слова: национально-русское двуязычие, коммуникация, глагол-имя, проекционно-ориентированная деятельность, паронимазия, межъязыковая интерференция

TERMS OF THE PARONYMY AND PARONOMASIA: PEDAGOGICAL ASPECT OF THE INCLUSIVE CASE

Shikhaliyeva S.H., Dzhelilova S.R.

*Makhachkala financial and economic college, branch of Financial University
under the Government of the Russian Federation, Makhachkala,
e-mail: sh_shihalieva@mail.ru*

In the concept of the Federal state educational standard it is noted that design activity is provided with formation of creative educational activity trained in the course of which there is a formation of universal educational actions: educational tasks are set, necessary means and ways for their achievement are used, process and results of activity of their use in further life is controlled and estimated. Therefore, search and introduction of effective methods of training in Russian have to be provided with the content of the projective focused activity of the teacher-language and literature teacher in the course of which there is a strengthening of cognitive interest of pupils-bilingvov. The methodical system of training of the Russian paronymy relies on technology of overcoming the interferentnykh of the phenomena in the projective focused activity of the teacher-language and literature teacher in the conditions of the national-Russian bilingualism. The analysis of types of a paronymy and paronomasia gives the chance to use specifics of paronyms Russian and native (non-russian) languages, to reveal similarities and distinctions, to eliminate an interlingual interference. System effectiveness of training, made taking into account interlingual variability, will be high if to provide repeatability of the most common types of a paronymy in projective process of training «The paronyms in tables».

Keywords: natsionalno-russian bilingualism, communication, verb name, the projective focused activity, paronomic, interlingual interference

В современной лингвистической науке все чаще обсуждается проблема стилизации паронимов. Термины паронимии в широком смысле категориальных значений различаются парадигмой «производящее-производное». Как отмечает А.В. Бондарко: «Текст с характеристиками «производящее-производное» обобщает словообразовательную парадигму паронимии» [9]. Этому же мнению придерживается и ряд других лингвистов, полагая, что сфера научного плюрализма разграничивает парадигму паронимии и явлений паронимазии [3].

Цель исследования. С точки зрения терминов паронимии, чтобы выделить про-

дукт словообразовательной парадигмы, необходимо квалифицировать показатели мотивированных и мотивирующих единиц, изучить социолингвистические факторы функционирования русского и родного языков, разработать основы обучения русской паронимии в условиях национально-русского двуязычия.

Материалы и методы исследования

На основе анализа устной и письменной речи учащихся-билингвов и результата констатирующего эксперимента удалось выявить типичные и устойчивые ошибки в употреблении паронимов. Рассмотрим понятия-показатели в следующем контексте (см. табл. 1).

Таблица 1

агульский	лезгинский	табасаранский
<i>кушкун акь-(ас)</i>	<i>кушкун ав-ун (-уз)</i>	<i>кушкун ап1-уб (-уз)</i>
[букв. шепот-делать]	[букв. шепот-дела-ть]	[букв. шепот-дела-ние /-ть]
смысл: шептать	смысл: шеп-тать	смысл: шеп-нуть/шеп-тать

В приведенной таблице словообразовательная парадигма опирается на понимание семантической единицы [4; 7]. В этом смысле единицы паронимии актуализируют расхождения, осуществляемые путем конверсии «имя↔глагол»:

Русский. И [Я говорю вам], приобретайте себе друзей с помощью богатства этого несправедливого мира, чтобы, когда оно иссякнет, вы были приняты в вечные обители.

Рутульский. [За ки ваде рухура]: ми чИрид дуй-найадид шийибурмык хьдиймар дагас чалыш диш, хьеликана, ваИде шийибур мадишди, гьабише ваИ эхиретдид хала адгун бадаана.

Указанное морфемное содержание демонстрирует характеристику словообразовательной парадигмы, включенной в пространственно-временную номинацию: Я говорю / за рухура // Говорю вам / За ки ваде рухура. Здесь важно описать механизм паронимии с использованием типов – аспектуальность, темпоральность, таксис, персональность, залоговость, качественность, локативность, посессивность. Эти исходные условия, собственно, создают центр семантизации явлений паронимии. Рассмотрим примеры (см. табл. 2).

Приведенные примеры распадаются на прагматический ориентир паронимии. Здесь различается контекст значений (см. табл. 3).

Результаты исследования и их обсуждение

Разумеется, варианты перевода актуализируют сферу языков Дагестана. Выяснилось, что многоуровневая система паронимии, преимущественно в диалектной зоне южнокавказских языков, определяет контурацию «субъект (не) совершенный вид ↔ объект (не) совершенный вид». В таком случае, центр контурации фиксирует не только вариант типологии, но и инвариант многоуровневой системы [2]. Например, лакская лексема *ваше благородие/ваше сиятельство* переложена в грамматикализованный тип *ттул хьунма <букв. мой господин существует>*. И так, на внутрисистемных фактах типологии развиваются звуковые модели паронимии (см. табл. 4).

Таблица 2

пропозиции	рутульский	табасаранский
позволить работать	<i>йыхьыр гвалах выгьыхь</i>	<i>гьяри ляхин ап1уз</i>
разрешить работать	<i>гьлах вагас меджбыр гьыгьын</i>	<i>гьит ляхин ап1уз</i>

Таблица 3

контекст значений	табасаранский перфектив	табасаранский имперфектив
проспективное	<i>гь-урху-н+дар</i> «не читал»	<i>д-урх-на+дар</i> «не прочитал»
ретроспективное	<i>гь-урху-н+дайи</i> «еще не читал»	<i>д-урх-на+дай</i> «еще не прочитал»

Таблица 4

русский	арчинский	аварский
мне его песня не нравится	<i>эз ямумин лагум кьант1у</i>	<i>дие гьесул кеч1 бокьуларо</i>
мне ничего не надо	<i>эз нац1 кват1у</i>	<i>дие щибниги х1ажат гьеч1о</i>

Парные и оппозитивные модели паронимии распространяют содержание пропозиции: на форму совершенного/несовершенного вида, страдательного/действительного залога, переходного/непереходного глагола. То, что в основании русской паронимии развивается восприятие настоящего актуального и актуального переживаемого – факт грамматического стандарта. Стандарт русской паронимии помогает определить не только парадигму темпоральности, но и понятийную модель паронимии. В состав исследуемых моделей паронимии входят ономастические лезгинского языка: угу-угу – подр. плачу; угу-угу-угу – подр. кашлю, хи-хи-хи – подр. смеху; ужуз-як1у-кай шурпа-жедач «из дешевого мяса бульон не сварить»; ужуз-я «дешево стоит», ужуз-к-ачун «дешево купить» [6]. Их правильное использование помогает точно выразить мысль. Следовательно, ономастические актуализируют корреляцию экспрессивного стандарта (см. табл. 5).

Здесь количество корреляций бесчисленно, и говорящий во всех представлениях включает в ядро паронимии оппозицию «субъект↕объект». Эта семиотическая оппозиция кодирует ресурсы предикации: писпидал кьуэл авун <букв. на свистулке

танец делать> [смысл: плясать под дудку кого-л.; во всем подчиняться кому-н.]; писпидал кьуэл авуна = плясал под дудку / заплясал под дудку; писпидал кьуэл ийида = буду плясать//запляшу под дудку; писпидал кьуэл ийизва = пляшу под дудку [5]. Действительно, каждая единица паронимии различает параллели предикации – континуатива, инхоатива, терминатива. При таком подходе становится очевидным, что парадигма паронимии различает инвариант звукового подобия. Если предикация включается в повествование субъекта, то валентность глагола характеризуется представлением метафорического ряда: таб. уэю кьара хьуб <букв. лицо черным быть>// уэю кьара шуб <букв. лицо черным стать> [смысл: осрамиться]. Если предикация включается в представление объекта, то валентность каузирующего события характеризуется представлением метонимического ряда в табасаранском языке уэю агъжжи/ уэю агъжжир «с белым лицом»/ «белолицый» [смысл: открытое лицо]. Эти стилистические предикаты помогают раскрыть содержание явлений паронимии (см. табл. 6). Иначе говоря, механизм паронимии находится в функции коммуникации (см. табл. 7).

Таблица 5

кумыкские пропозиции	табасаранские пропозиции
<i>м-агъа тынгла+ма «меня не слушай»</i>	<i>м-агъа ме+хъебехъа «вот не слушай меня»</i>
<i>м-агъа тынгла «меня слушай»</i>	<i>м-агъа хъебехъ «вот меня слушай»</i>

Таблица 6

табасаранские пропозиции	агульские пропозиции
<i>Аллагъдихъан дупнайиб тамам шлувалихъ [хъугънайи-р], хуш бахтавар вува! [Ев. от Луки 1:45]</i>	<i>Сайи ду яратмиш [акъуна-ф] варттал багъвра, глана багъвра [Ев. от Луки 11:40]</i>
<i>Блаженна [поверившая] в исполнение того, что сказал Господь!</i>	<i>Разве [тот, кто сотворил] внешнее, не сотворил и внутреннее?</i>

Таблица 7

предметное понятие соотносительности → дополнение формальное	признаковое представление соотносительности → дополнение содержательное
повер*ить в исполнение	повер*ившая в исполнение
<i>хъугъуз шлувалихъ</i>	<i>хъугънайи+р шлувалихъ</i>
действие → объект	имя действие → субъект

Отметим, что тип коммуникации актуализируют единицу сонорного слогиносителя [8;10]. В кабардино-черкесском языке, когда говорящий стремится выделить тип коммуниканта, к которому он обращается, механизм воплощения «определённого лица» передает мотивацию сонорного слогиносителя *р [11]. Поскольку показатель коммуниканта идентифицируется с термином «определённого лица», то, соответственно, детерминант *р называет категорию «определенности-неопределённости».

Выводы. Здесь универсальные параметры определяет число сонорных слогиносителей *р / *м. Опасность заключается в том, что можно распознать единицу универсальных параметров, а соответствие слогового механизма не выразить. Поэтому правильное употребление коррелятов паронимии способствует описанию метафоры. Наблюдаемая корреляция, во-первых, актуализирует параметры акциональной парадигмы: [совершенного вида] =[несовершенного вида]. Во-вторых, расширяет комплекс понятий акционс-арт [предельность↔ неопределенность]. Касаясь семантики фундаментального механизма, В.Д. Аракин отмечает, что «претерито-презентные глаголы, дошедшие до нас из древности, сохранили критерии хронотопа»[2]. Становится очевидным, что коррелят хронотопа комбинирует отношения «(не) известного/ (не) одушевленного/(не) совершенного вида». В первую очередь, корреляты обосновывают концепцию показателя -р в пралезгинском глаголе: аю+р <букв. некто сущий>/ аю+б <букв. нечто сущее >. Иными словами корреляция паронимии признает единицу хронотопа (см. табл. 8).

Заключение

Исходная классификация моделей «бытия» воспроизводит парадигму паронимии: [группа №1 → фразеологические паронимы с формантами =р/=б человек↓не-человек] «говорящий имеет представление о достоверности объективного высказывания»; [группа №2 лексические паронимы с парадигмой «субъект±объект»] «говорящий эксплицирует достоверность высказывания с общефактической информацией»; [группа №3 → грамматические паронимы с сонантом =й/=р «лицо±личность»] «говорящий воплощает представление субъективного высказывания». Здесь следует обратить внимание на то, что первая модель описывает метафору «вид=акционс-арт», вторая – распространяет класс имен собственных с мифологическим содержанием, третья – описывает тип интонирования паронимов [12]. При таком подходе деривационные шаги паронимии выделяют коррелят словообразования [имя ↔ глагол]. Естественно, что универсалии словообразования раскрывают механизм моделей паронимии. В частности, модели паронимии используются в тексте для выражения: 1) исторических имен; 2) вымышленных имен; 3) создания «говорящих имен». Особую значимость в тексте приобретают термины паронимии с потенциалом акционс-арт [1]: сначала выделяют группы с акционс-арт, а затем группы с аспектуальной семантикой. Наиболее полное противопоставление ситуативных обозначений проясняет картину «Паронимы русского языка» (см. табл. 9).

Таблица 8

содержание	значение	показатель
а <1. имеет;	2. обладание;	3. десигнатор дейксиса
я <1. является;	2. чувственность;	3. десигнатор дейксиса
э <1. есть;	2. верность;	3. десигнатор дейксиса

Таблица 9

вспомогательный глагол	акционс-арт	вид
связка настоящего времени	совершенный/ несовершенный	предельный/неопределенный
связка прошедшего времени	результативный/ нерезультативный	совершенный/ несовершенный
связка будущего времени	совершенный/ несовершенный	совершенный/ несовершенный

Таким образом, в составе ситуативных обозначений метод моделирования паронимия*парономазия актуализирует иерархию «морфемы± алломорфы». Спроектированная модель обучения «Паронимия в таблицах», нацелена на формирование навыков употребления паронимов в связной речи и внедрена в практику преподавания в условиях национально-русского двуязычия.

Список литературы

1. Алексеев М.Е., Шихалиева С.Х. Табасаранский язык. – М., 2003. – С. 79.
2. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. – М., 1979. – С. 62.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974. С. 314.
4. Бикманн Д., Келлоу Д. Не искажая слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии. – СПб., 1994. – С. 41.
5. Гольмагомедов А.Г. Основы фразеологии лезгинского языка. – Махачкала, 1978. – С. 12.
6. Гайдаров Р.И. Лексика лезгинского языка. – Махачкала, 1966. – С.218.
7. Соболева П.А. Словообразовательная полисемия и омонимия. – М., 1989. – С.61.
8. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. – М., 2004. – С. 21.
9. Бондарко А.В. Грамматические категории слова в тексте и в системе языка (на материале глагольного вида) // Текст как целое и компоненты текста. Виноградарские чтения XI. – М., 1982. – С. 122.
10. Гак В.Г. Ситуативные обозначения. Избыточное и недостающее // Сопоставительная лексикология. – М., 1977. – С. 144.
11. Кумахов З.Ю. О составе исконных личных имен в адыгских языках // Сб. ст. Антропонимика / Под ред. В.А. Никонов, А.В. Суперанская. – М., 1970. – С. 61.
12. Шихалиева С.Х., Курбанова С.М. Феномен лингвокультурного моделирования: аспектуальность, или акционс-арт // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 17. – С. 173-175.